

РОЯЛЮ было за сто пятьдесят, и он был стар и немощен, как и дом, приютивший его. Рояль звучал хрипло и расстроено, будто старик вдруг расшатался и, покачивая далеко не молодецкими плечами, начал вдруг исполнять нечто прекрасное, но давнее, как он сам. Но музыка, странное дело, звучала, боролась его астматическое дыхание, и стены дома, сам видел, вдруг раздвинулись, а окна прослезились в счастье. Нет, это шел слепой июльский дождь, лишний косарям и необходимый грибникам.

Раньше тут был центр Алапавеска, и господский дом смотрелся в летнюю, как эта, пору в ясные дали и ясные воды. Затем труд по производственной необходимости осушили и по дну проложили железную дорогу. Веление времени, но там, где белели паруса, зачернели паровозные дымы, обаяние места поуросло, а центр ушел. Менялся, впрочем, не только ландшафт.— времена тоже. Но этот каменный дом в пятнадцать комнат и с окнами во все стороны света остался в устах горожан Чайковским домом.

Здесь в середине прошлого века жил со своим немалым семейством генерал-майор корпуса горных инженеров, управляющий алапаевскими частновладельческими заводами Илья Чайковский. За год до того, в Воткинске еще, он уже уходил в отставку, обосновался было в Петербурге, но зависимость от заработанного нынче рубля обязала генерала приехать сюда, в край бездорожья и заповедной глуши. Здесь Александра Андреевна жена, родила ему близнецов — Модеста и Анатолия. Отсюда в том же году, пожалуй, не в училище правоведения, а в большую и звучную жизнь отправился еще один сын — Петр. На три года три счастья.

И поныне чужбинная доска, отлитая на местном заводе, оповещает проходящих и приходящих, что здесь, именно здесь, провел часть детства гений русской музыки Петр Ильич Чайковский. От себя замечу — чужбину, заключающую детство. Впереди было отрочество, становление, выбор пути, очень скорая смерть мамочки и казарма с мизерной поправкой на малолетство воспитанников. Детство, разрешите так считать, у композитора закончилось здесь, у ворот каменного дома, когда возница буднично сказал: «Но-о, с бого-ом...».

Так что не дом это, а памятник, и народ объединил все мое поясняющее многословие в один, такой емкий для человечества эпитет — Чайковский дом. Менялись годы и эпохи, хозяева и вывески, а суть дома оставалась той же — дом гения. И позже, гораздо позже, местные металлурги отлили дом взамен унесенной временем свою ограду — тянулись по ней нотные линейки и возвышались скрипичные ключи. Может, и нетипично для города, но так типично для проявления любви.

Дому много, очень много, и за такое многолетие он не раз преобразивался, понемногу обрета-
л пристройками, мансар-
дами, службами, и в горисполко-
ме предназначение того дома
расплывчато определили как
«многоцелевое». И когда к 125-
летию композитора город ре-
шился создать у себя музей
Чайковского, то в доме сыска-
лась для такой цели всяго лишь
одна комнатка — спальня Алик-
сандры Андреевны. Через каби-
нет отца уже проходила лест-
ница, под лестницей стояли мет-
лы, а в детской комнате экспо-
нировался местный ширпотреб,
не ослеплявший светом музыки,
ни лучами знака качества. Одна-
ко же нужный же, нужный. В
этом певучем доме все певуче,
и я провел экспонатом «Гвоздь»
по ребру экспоната «пила», и та-
запела, застонала, заныла.
Н-да...

Уже не памятник, то, пожалуй, был, а этакий ведомственный терем-теремок, доходный дом, что населяли сводные музы. Вполне реальный терем-теремок, в котором в отличие от сказочного сыскалось место и медведю, правда, в виде музейного чучела. И медведю, виню вато пояснили мне, тоже где-то надобно жить, ведь фауна он.

Часть дома, часть детства, часть внимания, и вдруг в такой заунывной тесноте и обиде явственно ощутил я, что не прав же я, не прав, не права и давняя-предавшая чужунная доска. Детство — не пирог, его на зримые части не поделишь, а крошки от дележа птичкам-синичкам не скормишь. Детство неделимо, и оно у гения одно — и в селеении при камско-воткинском заводе, и здесь, в заштатном городишке, что полвека перед тем утерял звание уездного. Одно неделимое детство, детство в провинции, чистый ручей среди долины ровная, ру-

чей, что метр к метру набирает
глубину и звучание.

Музыка витала и меж инвентарных номеров, неистребимая музыка истории, такая всеильная музыка, и думал я, гадал, когда же гении подают знак, что они — гении. Может, в ту давнюю-стародавнюю пору, когда Петр Ильич, для всех просто Петечка, выстукивал по оконному стеклу слышимую лишь ему одному мелодию и разбил стекло, порезался, и дом, не этот, похожий, воткинский, ахал, охал, хлопотал над ранкой? Ранку прижгли, завязали, а генерал озадаченно всматривался в сына и его будущее: будет музыкантом, будет, да-да, будет, счастливец, вот уже музыка истекает из пальцев. Сам он

отказывается поныне. Нигде не упомянут репертуар того нечаянного хора, но молодежная фольклорная группа при Дворце культуры Уралмашзавода провела, скажу вам, дотошное исследование песенного наследия того региона и обнаружила, что уральские песни живут в творениях Петра Ильича. Так, песня «Вдоль по улице в конце» объявилась в сцене казни Мазепы, а другие—нужно ли перечислять?—звучат даже в торжественной увертюре 1812 года.

Вот и в «Чародейке» в конце первого акта ожила авторская ремарка «Слышен звук скомошьего гудка и жалейки». Звучит, да-да, звучит алапаевское эхо, но его надобно уметь и расслышать. Но об этом впер-

всница Зинаиды, она впервые ощутила себя в семье, и не служащей, а соучастницей, скажем так, в воспитании. Повезло ей, повезло и детям. «Милая тетя Настя, — напишет ей Петр Ильич из училища, — много-много благодарю вас за то, что вы меня так хорошо приготовили...». Музыка не входила в круг дисциплин, порученных ей, но приглашенная из Воткинска преподавательница в Алапаевск не приехала, вышла замуж, так что и музыка не обошла Анастасию. И это ей Петр Ильич, мучительно краснея, выдал свою великую тайну: «Все одно я стану великим музыкантом». Мы, взрослые, слишком недооцениваем самостоятельность десятилетних.

служила в сберкассе и была похожа, так хотелось считать, на мамедузель Настасью. Но художник, которого она привела в ту сберкассу и украдкой показала на будущую натуру, поморщился: нет и нет, не она. И девушка по-прежнему принимает квартплату и не знает, что ей чуть-чуть не выпал выигрыш — даже не в «Спортлото», в большем.

Рояль звучал, старался, музыка полинила дом, извивалась через форточки на улицу, глаза Веры Борисовны сверкали, и я опять думаю, что вот она, машина времени, вот она: это же играет Анастасия Петровна, уже поседевшая, уже поуставшая, уже успевшая отслужить в Смольном институте четверть века, учительница и ученица гения одновременно.

«Анастасия-вальс» короток и стремителен, как короток и полон событиями алапаевский период молодого автора. Скажу цветистей, но это, ей-ей, отвечает впечатлению: он как полет радужной бабочки, от цветка к цветку, не успеешь всмотреться, возрадоваться красоте, а она, красота, уже сложила крылышки. И отзвучал вальс, опять затаялся в своей заботыстой ролях, натукуливо заскрипели половицы, сдвинулись стены, и стало видно, что тесно здесь и неуютно, а все это богатство, по крохам собранное Городилиной, устало от безвестности. За ролям, опустив натруженные руки и улыбаясь виновато, сидела немолодая женщина и ждала от меня не вопросов, нет, ответов, да-да, ответов.

Не раз и не два центральная пресса писала о плачевном состоянии Алапаевского музея Чайковского, и об одном только я сейчас думаю: пусть я буду последний, не надо, пишущие, занимать за мной очереди, не благодарная, скажу я вам, тема. Сотни и сотни экспонатов отдаленных от нас не эпохой, а эпохами, собрала воедино эта служительница имени гения, собрала бескорыстно, не получая за труд и рубли, собственноручно сделала около полутысячи моделей народных инструментов. Это—подвижничество, и я думал вслух, что любовь не знает возраста и не знает скидок на усталость.

— Подождите,—возразят мне в Министерстве культуры Российской Федерации и в Свердловском областном управлении культуры,—о чем это он, о чем? Принято решение о реконструкции музея, с годами здание вернется в прежние границы, дом Чайковского станет Домом Чайковского, и наша страна обогатится еще и еще одним патристиком...

ПОЗВОЛЬТЕ заметить: не музыка сотрясла стены Чайковского дома, не толпы экскурсантов расшатали половицы, не игра Веры Борисовны расстроила Вирт. Это все сделало равнодушие. Да, приежались сюда молодые реставраторы, да, за головы они хватились, видя, в какое запустение пришло здание, что святое именем своим, да, они возмарились срочно, немедленно, сейчас приступить, начать, продолжать.

Но не слова тут нужны, нужны действия. Действия, скажу мне, есть: доступ в музей закрыт, экспозиция перезажает и какие-то подвалы, а на двери объявился плакатец, чтобы посетители зря не ждали. Музей закрыт не на санитарный день не на учет, не потому, что директор ушла на базу, он закрыт на неопределенность, и ладно бы, говорит Вера Борисовна, успеть до стапятидесятилетия Петра Ильича.

— Успеть бы, — еще говорит она, повторяясь, и я понимаю, что она приказывает сама себе. И склон, где захоронены куклы, тоже закрыт на всякий случай и проволока уже заржавела, надпись, рукописный вариант «кирпича» ГАИ, повыцвела. Это так просто — закрыть...

В горисполкомке мне говорили, что в Алапаевске крайне слаба строительная база, и десятки самых нужных городу людей ждут да ждут очереди на улучшение жилищных условий. Все это так, но между тем Петру Ильичу Чайковскому скоро сто пятьдесят, а любимым подарком дарят не только по юбилейным дням. Товарищи свердловчане скажите вслух: он у нас начинал свой долгий путь, а в Чайковском доме (стыдно как!) звучит расстроенный рояль.

Дом смотрится во все стороны света. Дом Чайковских понад высохшим от необходимости прудом. В старом доме звучит старый рояль. Я слушаю его, записываю его звучание на диктофон, и думаю-думаю: товарищи, рояль в Алапаевске расстроен, и время тут ни при чем...

В. ЛЕТОВ,
сб. корр. «Известий»

СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ
Фото Вл. Кузьмина.

АНАСТАСИЯ-ВАЛЬС

О ДОМЕ ЧАЙКОВСКИХ В АЛАПАЕВСКЕ И ПАМЯТИ СЕРДЦА

в домашних концертах исполнял партию флейты, рояль был владением жены. Теперь у инструмента объявлялся сохозяин.

В Воткинске мне бывать не доводилось, и тем не менее я самолечию и отчетливо, в упор, слышал, как звучит оркестрина, механический комнатный орган, который сам Петр Ильич назвал своим первым музыкальным наставником. Он стоял в воткинском доме, и Илья Петрович готов был пожертвовать покупкой шубы, дабы приобрести валы от винтергалтера с наколками вальсы Штрауса и с французской кадрилию. В Алапаевске такое диво, предвестник нынешних магнитофонов, стояло в доме исправника, и Петр Ильич перед отъездом в Петербург на званом балу крутил ручку той механической оркестрины, а его старшая сестра Лизанька, девушка на выданье, танцевала, танцевала, танцевала. И это виденье год спустя в письме к родителям он назовет счастьем.

Оркестрина алапаевского исправника за век с лишним узнала немало хозяев, была даже инвентарем местной церкви и в конце концов была куплена музеем, точнее — комнатой в музее, и я, поощряемый взглядом смотрительницы той комнаты, прокутил ту самую французскую кадриль, что восторгла Илью Петровича и будила музыкальность в Петре Ильиче. Мне сказали, чтобы рукоять я крутил по часовой стрелке, божье упаси, не рывками, не заводная ручка грузовика, и музыка лилась из-под моих немзыкальных рук, нестареющая музыка, сколько бы лет еще ни прошло. И ощущал я, что не механический орган это, а некая машина времени, и это не я, а маленький мальчик Петя крутит и крутит рукоять, и музыка, музыка, музыка наполняет его душу.

Ах, как много можно увидеть,
если вовремя закрыть глаза...

Что питает душу гения? Может, тот самый поход на Нейву-реку, кормилицу и поилцу Алапаевска. Был простор, были скалы, что зовутся нынче «старики», а тогда, в середине прошлого века, «старик и старуха». Скалы те были с эхом, и хор мужиков, что пел на берегу, долго-долго отзывался в творчестве Чайковского. В нас же

ди, впереди, всему свой черед.

Здесь в Алапаевске, Петр Ильич, абитуриент училища правоведения, тем не менее, десятилетний мальчишка, признанный затейник всяческих игр, облачается в белый халат, «лечит» поломанные младшими братьями и сестрами куклы. Это не всегда удавалось, и тогда организовывались торжественные похороны. Кукол хоронили на зеленом склоне, ведущем к пруду, они лежат там и поныне, предтеча золотых строк «Детского альбома» и «Щелкунчика». И снова я гляжу на мемориальную доску и думаю, что время упразднило в русском алфавите несколько лишних букв, и наш язык от этого не стал беднее. Но какой день можно выкинуть из детства? Детство, говоря нынешним деловым языком, безотходно, и то, что обретається в нем, множится во взрослости — хорошо, если в чарующий звук, худо, если в пьяную песнь.

ВПРОЧЕМ, что я все о музыке? Ведь нельзя скинуть со счетов, что населяли дом реалисты и они-то, старшие, знали, что великий Глинка прозябает в бедности, могучий Серов нажил не серебро, а серебряные волосы, музыка — некорная профессия, и потому Петра готовили в правоведы. Музыке, что потехе, отдавался час, а наукам и языкам — время. Для подготовки в училище Чайковские пригласили гувернантку из Петербурга, нынче бы сказали — молодого специалиста, кандидатку сиротского института Настеньку Петрову, только что перешагнувшую двадцатилетие. За неимением фотографий на личных делах той поры нелишним оказался для нее словесный портрет: «...Росту среднего, глаза карие, лицом бела, волосы светло-русые». Могли бы и добавить: добра, отзывчива, трудолюбива, самоотверженна. Но такие приметы не пишут, их доказывают.

Почти три четверти своей жизни девушка, «незаконнорожденная от вольноотпущенной девки Александры Филипповой» как жестко, нет — жестоко, сообщали все те же документы, провела в строгих стенах института, там обрела и отчество, и фамилию, и семья Чайковских по сути дела была ее первой семьей. Приемши, что ли, ро-

Рояль в доме был от самого Вирта, и этой фирме Чайковский был верен всегда. Ученик и учительница музицировали временами в четыре руки, и взрослые удивлялись, как много преуспевал в овладении роялем с порывоткинским. Вроде бы небольшой эпизод, что можно назвать и сопутствующим, всего-навсего репетитор, но доброта встрети-лась с добротой, и это не забывается. И когда четырьмя годами позже Александра Андре-евна умирает в Петербурге от холеры, Настенька спешит за-осиротевшую семью, собирает всех детей под крыло и увозит подальше от болезней и скор-бей в Ораниенбаум. Время спу-стят по возвращении в семью четырнадцатилетний Чайковский дарит ей нотную тетрадь, из заглавного листе которой вывел «Анастасия-вальс, сочиненный и посвященный мадемуазель Ана-стасии Петровой Петром Чайков-ским, учеником императорско-го училища правоведения...» Чайковский начинался так, и Алапаевску за это низкий поклон. Но ведь кланяются не толь-ко за прошлое — за надежду на будущее тоже.

А играла мне этот вальс на музейном рояле Вирта хранительница Чайковской комнаты Чайковском доме Вера Борисовна Городилова, в прошлом преподаватель музыки, нынче — пенсионер. Одна немаловажная деталь: музею как таковому нет и двадцати. Экспонаты же в него Вера Борисовна собирает с четверть века. «Очень просто — улыбнулась она моему удивлению, — я знала, что музей будет, не может не быть». Хорошо, когда мир населяют оптимисты, с ними и день на минуту дольше.

Рояль звучал хрипло и гулко, будто прокашляясь желал, но музыка была музыкой, радостной, до предела счастливой, и видел я, как много-много людей, взявшись за руки, танцевали и танцевали, улыбаясь друг другу и солнцу. Вера Борисовна знала ноты по памяти, видимо, играла вальс многократно, лицо ее помолодело и светилось тоже счастьем. Может быть, и она ощущала себя в том кругу...

Она пыталась создать портрет Настеньки Петровой и даже отыскала прототип: девушка эта